

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-4

УДК 94(47).083

Розанов Юрий Владимирович

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
rosanov007@gmail.com

Rozanov, Yurii

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
rosanov007@gmail.com

Тихомиров Павел Владимирович

Бакалавр истории,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
joycoil@yandex.ru

Tikhomirov, Pavel

Bachelor of Historical Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
joycoil@yandex.ru

**Образ революционера-террориста в России начала XX века
(на примере Ивана Каляева) ***

**The Image of a Revolutionary Terrorist in Russia at the Beginning
of the Twentieth Century (Based on Ivan Kalyaev)**

Аннотация. Статья посвящена формированию образа революционера-террориста И.П. Каляева в Российской империи начала XX в. в партийной среде социалистов-

* Для цитирования: *Розанов Ю.В., Тихомиров П.В.* Образ революционера-террориста в России начала XX века (на примере Ивана Каляева) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 939–974. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-4

For citation: *Rozanov, Y., Tikhomirov, P.* “The Image of a Revolutionary Terrorist in Russia at the Beginning of the Twentieth Century (Based on Ivan Kalyaev).” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 3 (2019): 939–974, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-4](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-4)

© Розанов Ю.В., Тихомиров П.В., 2019

© Rozanov Y., Tikhomirov P., 2019

революционеров и в литературных кругах. Показано, что для эсеров Каляев являлся удобной фигурой для оправдания революционного терроризма. Сводя его биографию к судьбе революционера-«мученика», они получали санкцию общества на продолжение деятельности Боевой организации ПСР. Проанализированы литературные свидетельства о Каляеве его друга – писателя А.М. Ремизова, хорошо знавшего его по вологодской ссылке. Рассказ Ремизова «Иван Купал» рассматривается как послание к ушедшему в глубокое подполье другу с напоминанием о прежних встречах и совместных планах в литературе. Текст Ремизова отличается тем, что автор не брал в расчет четко установившегося и угадываемого канона описания, сложившегося в революционной среде. Тем самым читателям начала XX в. предлагались различные в своих целях и задачах образы революционера-террориста.

Ключевые слова: И.П. Каляев, А.М. Ремизов, социалист-революционер, революционный террор, образ революционера, политическая ссылка, Вологодская губерния.

Abstract. The article is devoted to the formation of the image of the revolutionary terrorist I.P. Kalyaev in the Russian Empire at the beginning of the 20th century amidst the Socialist Revolutionary Party and in literary circles. It has been shown that for the Social Revolutionaries, Kalyaev was a convenient figure used to justify revolutionary terrorism. Using his biography in order to demonstrate the fate of a revolutionary martyr, they received the sanctions of the society to continue the activities of the Social Revolutionaries' Combat Organization. The article analyzes literary testimonies about Kalyaev made by his friend A.M. Remizov, a writer, who knew him well from his Vologda exile. Remizov's story "Ivan Kupal" is considered as a message to his friend who went underground and a reminder about their previous meetings and joint plans in literature. Remizov's text is notable for the fact that the author did not take into account the clearly established and guessable canons of description that had developed among the revolutionaries. Thus, the images of the revolutionary terrorist that were different in terms of their purposes and tasks were offered to the readers of the early 20th century.

Key words: I.P. Kalyaev, A.M. Remizov, socialist revolutionary, revolutionary terror, image of a revolutionary, political exile, Vologda Governorate

Введение

Революционер-террорист начала XX в. был в высшей степени загадочной, мало поддающейся разгадке современниками фигурой. Ведя конспиративный образ жизни и прячась с поддельным паспортом под вымышленным именем, он зашифровал свою биографию словно бы не только для представителей агентурной сети имперской полиции, но и для каждого современника. О террористе узнавали, когда он с бомбой в руке становился вершителем истории страны и судеб отдельных ее граждан. Тогда российское общество получало шанс ознакомиться с некоторыми фактами биографии необычного преступника. Помещенный в публицистический и литературный текст, образ революционера-террориста становился узнаваемым. Через канон описания формировался миф, который достигал пика своего могущества, когда речь заходила о «леворади-

кальной интеллигенции, представители которой на уровне обыденного сознания персонифицируются в образах самоотверженных героев с бомбой»¹. Понятно, что список задач для формирования образа выходил за рамки дескриптивных. Изучение различных традиций описания революционера-террориста позволяет наглядно представить механизмы формирования политических образов, их цели и задачи.

Современная историография активно занимается изучением тех политических образов, которые производили особенно сильное впечатление на современников, влияли на общественное сознание и политическую борьбу. Так, Б.И. Колоницкий показал образы императорской семьи накануне крушения Российской империи², А.Н. Егоров проанализировал формирование образа либерала³, ряд работ посвящен изучению образа врага⁴. Немалый интерес в этой связи представляет и образ революционера-террориста.

Летопись российского радикального движения сохранила имена сотен ярких личностей и громких событий. Одним из самых популярных и резонансных террористических актов начала XX в. стало убийство великого князя Сергея Александровича Романова эсером-террористом Иваном Платоновичем Каляевым. Уникальность исследовательской ситуации заключается в большом количестве опубликованных свидетельств о Каляеве со стороны однопартийцев и в существовании литературного свидетельства его друга, писателя А.М. Ремизова, который зафиксировал образ эсера-террориста еще за несколько лет до совершения теракта.

Как российская⁵, так и зарубежная историография⁶ немало сделала для изучения различных аспектов революционного терроризма в России. На сего-

¹ Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 5.

² Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010.

³ Егоров А.Н. Образ либерала в консервативной публицистике Российской империи начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 17–20; Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 3 (30). – С. 170–178.

⁴ Образ врага / составитель Л. Гудков; редактор Н. Конрадова. – Москва: ОГИ, 2005.

⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – Москва: РОССПЭН, 2000; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. – Москва: РОССПЭН, 1998.

⁶ Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. New York: Viking Press, 1977; Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1993; Hildermeier M. Der

дняшний день ключевой работой, где радикальная мифология выступает объектом строгой научной рефлексии, является монография М.Б. Могильнер, которая указывает на литературное мифотворчество как наиболее адекватную форму интеллигентского самоосмысления⁷. В.М. Фастовский, изучая народническую интерпретацию религиозных концептов и их применение, отмечает значимость религиозной семантики при формировании образа идущего на эшафот революционера⁸, Ю.А. Сафронова выявляет перформативные и коммуникативные аспекты терроризма⁹.

Основная часть

4 февраля 1905 г. в Москве на Сенатской площади Кремля член Боевой организации эсеровской партии Иван Каляев бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, бывшего генерал-губернатора Москвы, дяди Николая II. Сергей Александрович незадолго до гибели отказался от должности генерал-губернатора, которую он занимал с 1891 г., но остановить задуманный теракт это уже не могло. Великий князь погиб на месте, через несколько дней умер от ранений и кучер. 5 апреля 1905 г. Особое Присутствие Сената приговорило Каляева к повешению, приговор был приведен в исполнение 10 мая в Шлиссельбургской крепости. Эти события в совокупности с получившим широкую известность визитом к осужденному террористу вдовы великого князя Елизаветы Федоровны сделали Каляева культовой фигурой эпохи.

Соратник Каляева по Боевой организации Егор Созонов считал, что его друг общим впечатлением внутреннего сияния напоминает юношу Сергея Радонежского на картине М.В. Нестерова. Более того, Созонов вспоминал, что Каляев всячески демонстрировал религиозный фанатизм. Тот же мемуарист писал, что перед покушением на великого князя Каляев молился, держа в одной руке бомбу, а другой творя крестное знамение¹⁰.

Задачи революционного терроризма не ограничивались убийствами представителей властных структур. Через террористический акт революционеры

Sozialrevolutionäre Partei Russlands. – Köln; Wien: Böhlau, 1978; *Gross F.* Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. – The Hague: Mouton, 1972.

⁷ Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.

⁸ Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html> (дата обращения: 28.02.2019).

⁹ Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

¹⁰ Цит. по: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / составитель Е.И. Гончарова. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2009. – С. 20.

отправляли «послание» обществу¹¹. Каждое удачное покушение должно было быть прокомментировано организаторами. В нелегальной прессе распространялись листовки, памфлеты и статьи, которые объясняли смысл убийства и давали собственную интерпретацию события, возвышая террориста и дегуманизируя его жертву. Восприятие революционного насилия как возможности борьбы с насилием имперским глубоко укоренилось в идеологической традиции революционеров, начиная с осмысления Великой французской революции¹².

Событие 4 февраля 1905 г. было встречено большим количеством листовок¹³, обличавших личность убитого великого князя. В посланиях эсеров Сергей Александрович был представлен как «народный палач», «всесильный представитель произвола», «друг деспотизма», «Великий князь Ходынский», который в «короткие промежутки между разворотом и истязаниями <...> ездил на поклонение иконам»¹⁴. Революционное насилие требовало своего оправдания, ища его в нарративе о чрезмерном насилии властей против своего народа¹⁵. Эта риторика продолжалась на страницах эсеровской газеты «Революционная Россия» на протяжении еще нескольких недель¹⁶, пока объяснительная модель покушения не стала выстраиваться вокруг второго лица события – эсера-террориста Ивана Каляева.

Для описания биографии террориста использовался эмоциональный, местами афористичный и полный отсылки к религиозным текстам язык¹⁷. Для людей эпохи реализма литература была тождественна социальной реальности и претендовала на ее изменение¹⁸. Текст о революционере-террористе помогал актуализировать мифотворческий процесс, помещая убийцу в социалистический мартиролог и получая санкцию общества на революционный терроризм¹⁹.

¹¹ Подробнее см.: Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы.

¹² Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia // *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism* / edited by P. Terhoeven. – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. – P. 20.

¹³ Закиров Р.С. Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2012. – №1. – С. 20.

¹⁴ Листовка Петербургского комитета Партии Социалистов-Революционеров (февраль 1905 г.) // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1741. – Оп. 1. – Д. 16864.

¹⁵ Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia. – P. 33.

¹⁶ См. Революционная Россия. – 1905. – 10 февраля. – № 59; – 1905. – 5 марта. – № 60.

¹⁷ Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов.

¹⁸ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 8.

¹⁹ Подробнее см.: Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.

В апреле 1905 г. на страницах эсеровского органа была помещена статья «Иван Платонович Каляев» за подписью «Бывший социалдемократ», в авторе которой угадывается Борис Савинков – хорошо знавший Каляева еще с гимназических времен. Выбирая жанр газетной статьи, Савинков не имел возможности развернутого описания, а потому ему приходилось для «понимания» героя своих воспоминаний выделять ключевые места. Автор подобно агиографу рассматривал биографию героя ретроспективно. Весь рассказ о детстве подводит к авторскому итогу о том, что Каляев «не мог не стать революционером». Этому способствовали и родители: отцу Иван обязан «твердостью характера, чутко развитым сознанием долга и почти безграничной выносливостью», матери – «впечатлительностью, тонкой красотой своих художественных восприятий и такой характерной для него, всепрощающей, чистой и нежной любовью к народу»; и даже город детства – Варшава – это «город, залитый неисчислимыми потоками слез и обгаренный целым океаном народной крови»²⁰. Далее следовали рассказы об учебе, увлечении марксизмом и о первых столкновениях с полицией. Теперь Иван Каляев становился персонализированным героем истории убийства. Борис Савинков наделил его свойствами, достоверность которых читатель начала XX в. мог только предполагать.

При этом еще двумя ключевыми сюжетами – о событии 2 февраля и о свидании великой княгини Елизаветы Федоровны с Каляевым – Савинков артикулировал ригоризм этики своего героя. Назначенное на 2 февраля убийство не состоялось – оказалось, что князь едет не один, а с женой и детьми (его племянниками). Каляев проявил «душевную нежность и врожденное благородство» отказом метать бомбу в карету, где помимо его будущей жертвы находились «невиновные люди», и перенес покушение на другой день, когда князь отправлялся один. Затем, во время свидания с великой княгиней, Каляев категорически отказался от предложения Елизаветы Федоровны сохранить ему жизнь: «Да и ему ли было принимать милости из нечистых рук царя, князей и всех тех, кто им служит»²¹.

В обоих случаях автор биографии имплицировал этос революционера и сознательное мученичество, построенное по аналогии с христианским²². Редуцируя биографию Каляева к судьбе революционера, который не мог им не стать, его однопартийцы повторяли приемы описания других «Героев Подпольной России» и репрезентировали образ мученика. Смерть на эшафоте выступала как

²⁰ Цит. по изд.: Бывший социалдемократ [Савинков Б.В.] Иван Платонович Каляев // Иван Платонович Каляев. (Отдельный отпечаток из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 2.

²¹ Бывший социалдемократ [Савинков Б. В.] Иван Платонович Каляев. – С. 4.

²² *Фастовский В.М.* «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эгодокументах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов.

закономерный и единственный итог такой биографии. В анонимном стихотворении «Смерть Каляева» повторяется одна из центральных тем мифологизации террориста:

Смерть его увенчала лавровым венком, смерть – завидная смерть на посту боевом – завершила достойно победу.

Ни на миг не хотел он спасти свою жизнь; ни мгновенья – и каждое слово его гордым вызовом судьям дышало²³.

Сообщения о том, что «Каляев оставался спокойным до последней минуты»²⁴ демонстрировали идеальный пример принятия террористом-«мучеником» своей смерти – революционер шел на эшафот «бесстрашно» и «спокойно».

Другим эффективным средством рассказать о Каляеве явилось распространение в печати его последних писем, стихотворений и воспоминаний. Каждый текст был не только инструментом самопрезентации, но еще и предсмертным посланием, от которого ожидали документальной точности.

В личном письме товарищам, которое становилось достоянием общественности, революционер рассказывал о своей жизни как о цельной, наполненной смыслом и оправданной верой в прогресс и социализм. Он ни о чем не сожалел:

Революция дала мне счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть – это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть последним протестом против мира крови и слез и могу только сожалеть о том, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю как вызов самодержавию²⁵.

Также как эти послания не были только посланиями, так и стихи Каляева (или Поэта – как называли его однопартийцы) не были только поэзией. За ними стоял известный канон описания «предсмертного часа»²⁶. Это последний привет народу от страдальца за его счастье:

Что мы можем дать народу,
Кроме умных, скучных книг,
Чтоб помочь найти свободу?
– Только жизни нашей миг...²⁷.

²³ Революционная Россия. – 1905. – 15 мая. – № 67. – С. 24.

²⁴ Революционная Россия. – 1905. – 1 июня. – № 68. – С. 1.

²⁵ Революционная Россия. – 1905. – 1 июня. – № 68. – С. 2.

²⁶ *Могильнер М.Б.* Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 47.

²⁷ Стихотворения И.П. Каляева // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – С. 34.

А опубликованные эсерами выступления подсудимого и его адвокатов²⁸ целиком воспроизвели радикальную мифологию. «Да совершится судьба – да совершится воля Каляева. Он сам обнажил свою грудь, подставляя ее под ваши удары. Его показания дышали дерзким вызовом, брошенным в лицо смерти», – скажет в конце своей речи адвокат Мандельштам²⁹.

Коллективная героика и религиозная семантика в актуальном мифотворческом процессе оттеняли моральные противоречия терроризма. Вопросы возможности убийства, поднятые в повести Савинкова «Конь бледный» (она вышла под псевдонимом *В. Ропшин*) и вложенные в уста литературного прототипа Каляева, остались без ответа:

В его чистых глазах печаль. Я говорю:

– Ваня, а «не убий?»...

– Нет, Жоржик, – убий.

– Это ты говоришь?

– Да, я говорю. Убий, чтобы не убивали. Убий, чтобы люди по-Божьи жили, чтобы любовь освятила мир.

– Это кощунство, Ваня.

– Знаю. А «не убий» – не кощунство?³⁰

Как отмечал в своих воспоминаниях лидер эсеров В.М. Чернов, «морально-политическая сущность этого произведения одними воспринималась, как оплевывание террористов и партии, другими – как претензии на сверхчеловечество и проповедь аморализма»³¹.

Формирование образа Каляева было литературным и документальным комментарием террористического акта со стороны эсеров. В задачу однопартийцев Ивана Платоновича входило оправдание радикализма посредством воплощения в своем герое коллективных качеств «людей Подполья». Жанр биографии переkreщивался с агиографией, местами высвечивая религиозные аллюзии. Через выбранные и особо часто цитируемые и повторяемые сюжеты эсеры репрезентировали мученичество. Чтобы рассказать российскому обществу о Каляеве,

²⁸ Публикация подобных речей была особо популярна в 1905 – 1906 гг., на что указывает исследовательница Марина Могильнер. См.: *Могильнер М.* Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 54.

²⁹ Речь Мандельштама // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – С. 28.

³⁰ *Ропшин В.* [Савинков Б.В.] Конь бледный. – URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt> (дата обращения: 27.02.2019).

³¹ *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – С. 293.

эсеры волей-неволей реализовывали установку одного из культовых теоретиков народничества, П.Л. Лаврова, считавшего, что

нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу³².

В отличие от эсеров начинающему писателю Алексею Ремизову ничего не нужно было писать о герое момента – у него уже был рассказ о Каляеве. В 1900–1903 гг. будущий террорист отбывал административную ссылку в Ярославле, регулярно приезжая в Вологду к своему другу детства Б.В. Савинкову. Здесь он познакомился с Ремизовым, Н.А. Бердяевым, П.Е. Щеголевым, В.А. Ждановым и другими, по словам Бердяева, ссыльными «аристократами». Особенно он сблизился с Ремизовым – они оба писали стихи и мечтали стать настоящими писателями. Сохранился и опубликован их совместный перевод поэмы в прозе польского писателя-модерниста Станислава Пшибышевского «Тоска», популярный в среде вологодских ссыльных³³. Именно в Вологде, после встреч с Е.К. Брешко-Брешковской, Каляев и Савинков приняли роковое решение «идти в террор». Ремизов оказался серьезно вовлечен в эти конспиративные дела, поскольку третьим членом вологодской колонии, откликнувшимся на призыв «бабушки русской революции», стала невеста Ремизова Серафима Довгелло. Серафима, вероятно под влиянием своего жениха, скоро изменила свое решение, а виноватому во всем Ремизову товарищи по ссылке объявили бойкот³⁴.

В конце своей ссылки, к началу весны 1903 г., А.М. Ремизов написал рассказ «Иван Купал» для модернистского альманаха «Гриф». Рассказ был опубликован во втором выпуске «Грифа» в феврале 1904 г. вместе с еще двумя произведениями Ремизова: «Молитва» и «Последний час». Последние два рассказа – обычные для декаданса начала XX в. размышления о трагизме бытия, а вот «Иван Купал» выделялся на этом однородном фоне. В нем, как справедливо отметила З.Г. Минц, «видно своеобразие Ремизова-художника, соединяющего быт, интерес к фольклору и обряду с тонким знанием народного языка»³⁵. Но в подтексте этого фольклорно-бытового произведения присутствует и иной смысл, и иной сюжет.

³² Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. – Москва: Мысль, 1965. – С. 252.

³³ Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / под редакцией А. Енсена, П.У. Мёллера. – Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. – С. 79–80.

³⁴ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подготовка текста и комментарий А. Д'Амелия // Europa Orientalis. – 1990. – № 9. – С. 156.

³⁵ Минц З.Г. Вступительная статья к А. Блок: Переписка с А.М. Ремизовым. (1905–1920) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Кн. 2. – Москва: Наука, 1981. – С. 63.

Рассказ начинается с идиллической сцены: в разгар лета около дома рассказчика в саду резвится детская компания, напоминающая ему «огромный цветной веник»³⁶. Но не все счастливы в этом Эдеме. Рассказчик видит, что дети жестоко относятся к одной из девочек – Параньке, дразнят ее и обижают. Обиженная девочка тянется к рассказчику, который, утешает ее и обещает в скором будущем унести на руках туда, где «нет ни одного человека». В это время к рассказчику приходит его приятель Иван Платонович. Это довольно странный субъект с «испытым, изболевшимся лицом» и «мутными страдальческими глазами». Гость показывает рассказчику довольно странные предметы, найденные им прошлой ночью в реке: склянку с песком, который он считает золотиносным, и старую позеленевшую кость. Взрослые, вслед за ребятами, идут на реку, и видят, как дети, исполняя древний купальский обряд, бросают венки из полевых цветов в воду, загадывая «на счастье». Вечером приятели, гуляя по берегу, подошли к омуту. «Вот тут, – шепнул Иван Платонович. Он вытащил из-под полы венок и показал на темную вздрагивающую воду омута. – На тебя. И венок завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл, выплыл и канул»³⁷.

Гадание на венке означает, что человек, чей венок утонет, умрет в течение года; а чей уплывет дальше прочих – того ждет самое большое счастье; если же венок остается, стоит неподвижно – значит не стоит ждать особых перемен в жизни. В народной традиции гадают главным образом девушки. В рассказе Ремизова в сакральное время «приведен в действие» мантический механизм и получен вполне точный ответ: венок утонул, что говорит о смерти в ближайшее время человека, бросившего этот венок в воду.

Конечно, этот рассказ можно рассматривать как реалистическое описание Ремизовым отдельных эпизодов своей жизни в Вологде. В ссылке писатель много и охотно общался с детьми, что нашло отражение в его творчестве этого периода. Странного гостя можно трактовать как одного из тех чудаков, которыми, судя по наблюдениям современников, была так богата вологодская ссылка. Но все же ряд обстоятельств мешают признать данный рассказ обычной бытовой зарисовкой, слегка стилизованной «под фольклор» и «под модерн» с введением модных в то время мотивов тоски, безысходности, изначальной жестокости мира. Попробуем реконструировать подтекст произведения.

Ключевая фигура – загадочный приятель рассказчика, в котором угадывается Каляев, о чем говорит ряд совпадающих обстоятельств.

1) Героя рассказа, как и Каляева, в первой редакции рассказа зовут Иваном Платоновичем.

³⁶ Ремизов А.М. Иван-Купал // Альманах «Гриф». [Вып. 2]. – Москва: Гриф, 1904. – С. 43.

³⁷ Ремизов А.М. Иван-Купал. – С. 46.

2) Каляев родился 24 июня 1877 года, в день Ивана Купалы, из чего следует, что рассказ назван не только именем мифологического персонажа восточных славян, но и именем героя произведения. Отметим, что и Ремизов родился в один день и в один год с Каляевым, что, конечно, усиливало их мистическую связь, как они оба ее понимали.

3) Намек на пьянство героя имеет реальную основу, так как вологодские ссыльные создали игровое «тайное общество» – «Союз свободных алкоголиков», а тема пьянства часто обыгрывалась ими в юмористическом ключе в разговорах и переписке.

4) В символическом плане поиск золота героем рассказа в волшебную ночь на Ивана Купала можно рассматривать как поиск истины на мистических путях. В период близкого общения Ремизова и Каляева последний переживал серьезный мировоззренческий кризис, вследствие чего и принял решение «идти в террор». В воспоминаниях Б.В. Савинкова сказано, что Каляев пришел к террору «своим особенным, оригинальным путем». Савинков показал эту «оригинальность» в своей повести «Конь бледный». Ее герой Ваня (прототипом послужил Каляев) так размышляет о терроре:

Знаешь, у себя на дворе я часто читаю Евангелие, и мне кажется, есть только два, всего два пути. Один – все позволено. Понимаешь ли – все. И тогда – Смердяков. Если, конечно, сметь, если на все решиться. Ведь если нет Бога и Христос – человек, то нет и любви, значит, нет ничего... И другой путь – путь Христов ко Христу... Слушай, ведь если любишь, много, по-настоящему, любишь, можно тогда убить, или нельзя? ... Нет, убить – тяжкий грех. Но вспомни: нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми, нужно крестную муку принять, нужно из любви для любви на все решиться. Но непременно из любви и для любви³⁸.

5) Большое количество цветов в рассказе «Иван Купал» заставляет вспомнить, что цветы были важным атрибутом в отношениях Каляева и Ремизова. В мемуарах писателя отразились «цветочные» эпизоды, связанные с Каляевым. Так, в сентябре 1902 г. в московской газете «Курьер» дебютировали два писателя – Н. Молдаванов с «Плачем девушки перед замужеством» («Эпиталама») и В. Канин с рассказом «Ночь». За этими псевдонимами скрывались Ремизов и Савинков. Ремизов вспоминал: «Рассказу Савинкова <...> был посвящен вечер. Я ушел к себе на Желвунцовскую очень поздно. Каляев остался ночевать у Савинкова. На другой день вечером слышу, кто-то стучит. <...> «Иван Платоныч». В его руках я заметил белые астры: он спешит на вокзал. А цветы мне: он привез их вчера из Ярославля, но вчера – «не имел часа». <...> «Эпиталама!» –

³⁸ Ротшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1909. – С. 139.

сказал Каляев, подавая цветы»³⁹. Во время ремизовского бойкота общее собрание ссыльных запретило общаться с отверженным. Но Каляев, нарушая запрет, побывал в «келье» на Желвунцовской улице. В руках у гостя снова были цветы. «Помню навсегда, как Каляев цветов мне принес, и это тогда, как за «чай»-то мой поперечный очутился я и в тесноте, и совсем один»⁴⁰. Наконец, сухие цветы с могилы друга были в петербургской квартире писателя.

б) Мотивы легкого «сумасшествия» и психической неадекватности поведения героя также имеют под собой реальную почву. Вологодские политические ссыльные иногда симулировали психические расстройства, чтобы избежать отправки в отдаленные города губернии. В этом им помогал врач земской психиатрической лечебницы ссыльный социал-демократ А.А. Богданов-Малиновский, легко выдававший своим друзьям по несчастью, включая Ремизова, соответствующие справки⁴¹. Кроме того, общественное мнение «подпольной России» начала XX в. ценило искусство лишь как средство политической пропаганды; «новое искусство» революционеры не понимали, а «декадентов» считали сумасшедшими. Поскольку Каляев сам писал не только «гражданские» стихи, то подозрения в ненормальности коснулись и его. Перед тем, как заняться террором Каляев принес товарищам свидетельство от врача о своем психическом здоровье⁴². Отсюда можно сделать вывод о Каляеве как гипотетическом прототипе гостя героя в рассказе «Иван Купал»⁴³.

Видимо о последней встрече с другом А.М. Ремизов упоминает в официальном письме к сотруднику Музея Революции П.Е. Щеголеву в июне 1921 г. Перед отъездом за границу писатель передал в музей икону Воскресенья Христова, когда-то принадлежавшую Каляеву, и ответил на просьбу музея написать мемуары о террористе-революционере: «Воспоминания мои о И.П. Каляеве / и о цветах пасхальных [курсив наш.] / и о стихах / память вологодскую / напишу, как только очеловечусь...»⁴⁴. В эту встречу речь шла не столько о стихах, сколько о роковом решении Каляева. Но и стихи играли здесь важную роль.

³⁹ Ремизов А.М. Курьер // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 455.

⁴⁰ Ремизов А.М. Медовый месяц // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 5. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 70.

⁴¹ Ремизов А.М. Сумасшедший // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 451.

⁴² Могильнер М.Б. Мифология «Подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – С. 79.

⁴³ См.: Розанов Ю.В. Террорист Каляев в рассказе А. Ремизова «Иван Купал». Реальная основа символического текста // Вопросы литературы. – 2006. – № 1. – С. 124–134.

⁴⁴ Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – С. 281.

Ремизов пытался переубедить Каляева, настроить его на «мирную» литературную работу, уверяя его, что он «настоящий» поэт.

По всей видимости, именно А.М. Ремизов привлек для «уговоров» Каляева В.Я. Брюсова, переправив ему стихи революционера и посвятив в самых общих чертах в его планы. Именно этим можно объяснить странное письмо, написанное Брюсовым незнакомому ему Каляеву в августе 1903 г.:

Уважаемый Иван Платонович! Ваши стихи хороши по форме и могут быть напечатаны. По содержанию они немножечко похожи на стихотворения Некрасова и (в меньшей степени) Меньшина [ошибка публикатора; надо: *Мельшина*. Имеется в виду поэт-народоволец П.Ф. Якубович, один из его псевдонимов – Л. Мельшин. – *Прим. авторов*]. Это не беда: каждый поэт поначалу на кого-то похож. <...> Берегите себя: Вы талант. А поэтический дар, по моему разумению, более нужен литературе, чем революции... Постарайтесь лишь сберечь себя! Преданный вам Валерий Брюсов⁴⁵.

Это письмо Каляев не получил, да и вряд ли оно могло что-то изменить. К любой «мирной работе», по мнению Б.В. Савинкова, Каляев был «психически» не способен.

Вскоре после этой «пасхальной» встречи (Пасха в 1903 г. выпала на 6 апреля) Каляев исчез из поля зрения Ремизова: около месяца он отсидел в Ярославской тюрьме, а после освобождения ушел в революционное подполье, а в июне вместе с Савинковым тайно покинул Российскую империю для создания Боевой организации партии социалистов-революционеров, чего, конечно, Ремизов не знал.

Из писем писателя к общим вологодским знакомым видна его тревога за жизнь Каляева. 7 августа Ремизов, уже освободившись из ссылки, пишет их общему знакомому О. Маделунгу: «Клейкие листочки весенних обещаний, и астры, георгины и безумье безоглядных призывов северной осени [«декадентское» переосмысление «призывов» Брешко-Брешковской. – *Прим. авторов*]. Где-то наш Ив<ан> Плат<онович>, писал я ему на редакцию «Сев<ерного> Края», ответа нет. Красивый он и бьющийся, выйдет ли, выберется ли?»⁴⁶. В письме П.Е. Щеголеву от 27 января 1904 г. Ремизов пытался за шуткой скрыть свое беспокойство: «П<авел> Е<лисеевич>, не знаете ли адрес Ивана Платоновича и не разузнаете ли: взял он несколько книг, хочется их получить, а он, как вьюн выскользнул»⁴⁷.

⁴⁵ «Как у вас в Вологде?»: Неизвестное письмо В. Я. Брюсова к И. П. Каляеву / Публикация В. Перепеченко // Красный Север. – 1988. – 25 декабря. – С. 4.

⁴⁶ Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу. – С. 13.

⁴⁷ Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Часть 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев. (1903–1904) / Публикация А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 188.

На этом тревожном фоне рассказ «Иван Купал» с открытым именем прототипа можно рассматривать как своего рода послание к недоступному другу, до которого никакие другие письма не доходят. В этом послании и напоминание о Вологде, с которой было так много связано хорошего и плохого, и отсылка к купальской обрядности, столь значимой для обоих, и продолжение ключевого спора – герой рассказа не там ищет золото, и предчувствие трагической развязки, которую несколько наивно и прямолинейно символизируют найденная вместо золота кость и сгинувший в речном омуте венок⁴⁸.

Одним из защитников Ивана Каляева являлся присяжный поверенный В.А. Жданов, бывший политический ссыльный, участник многих значимых событий, происходивших в вологодской колонии. Именно он сообщил Ремизову, что его послание, зашифрованное в рассказе «Иван Купал», получено адресатом. Об этом Ремизов сообщал жене в письме от 24–25 апреля 1905 года:

Он [Жданов. – *Прим. авторов*] приехал в Петербург на свидание с Ив<аном> П<латоновичем>. Только что был в крепости и видел его. По словам Жданова, Ив<ан> П<латонович> находится в волне радости, что задуманное он совершил и ждет смерти. Вспоминали Вологду, вспомнил и обо мне, *он читал в «Гриффе» мой рассказ «Иван Купал» – о золотоискателе без золота и о затравленной девочке [курсив авторов]*. На днях его повесят. И ночью он спит. А ты сама знаешь, ночью спят только при исполнении желания: а человек перестает спать, когда нет ответа или когда бессилён что-то повернуть. Может быть, сейчас он самый счастливый человек⁴⁹.

В марте 1906 г. Ремизов с женой и друзьями побывали в Шлиссельбурге, где местные жители охотно показывали приезжающим места захоронения казненных. Ремизов писал Андрею Белому:

Вчера были в Шлессильбургской <так!> крепости. Всё осмотрели. Т<атьяна> Н<иколаевна> срисовала много. Все камеры остались у меня в душе на всю жизнь. Ходили и на могилу Каляева – сухие цветы да травки взял себе. Могила без холмика против Королевской башни на выступе. Закрою глаза, и вижу эти комнатки и дворик, где вешали, и дежурную комнату, где проводили последнюю ночь до зари⁵⁰.

⁴⁸ См.: *Розанов Ю.В.* Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009.

⁴⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. – С. 456.

⁵⁰ Андрей Белый и А.М. Ремизов: Переписка // Александр Блок: Исследования и материалы / под редакцией Н.Ю. Грякаловой. – Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2011. – С. 467.

Памятник на месте захоронения И.П. Каляева и других узников Шлиссельбургской крепости.
Источник: фото А.Н. Егорова

Мистические видения посещали тогда многих, знавших подробности дела. Белый, например, вспоминал, что Борис Савинков жаловался Ремизовым, которых он тайно посещал, что «тень Каляева-де являлась к нему»⁵¹. Рисунки Т.Н. Гиппиус, о которых упоминает Ремизов, в том числе и зарисовка места захоронения Каляева, находятся в США в Центре русской культуры Амхерста (Массачусетс). Четыре рисунка воспроизведены в статье М.М. Павловой⁵².

Под впечатлением поездки в Шлиссельбург Ремизов написал один из своих самых страшных рассказов – «Крепость», высоко ценимый символистами тех

⁵¹ *Белый А.* Между двух революций. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 65.

⁵² *Павлова М.М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских // Русская литература. – 2017. – № 3. – С. 223–224.

лет, любивших сравнивать земной мир с тюрьмой⁵³. В рассказе можно найти отголоски давнего спора автора с Иваном Каляевым. В ходе экскурсии по крепости перед рассказчиком возникает призрак «незнакомца», «народного мстителя», который «изобретает жесточайшие казни и отдает им тех, кто приказывал и повелевал мучить». Но тогда, – резонно полагает рассказчик, – «не будет конца казням»⁵⁴. Тезис о «дурной бесконечности»: теракт – казнь революционера – месть со стороны друзей казненного, т.е. новый террористический акт, активно использовался в плане моральной и юридической защиты Каляева. Адвокат Жданов, например, призывал суд проявить великодушие и разорвать эту трагическую цепь⁵⁵. Каляев рассматривал террор как религиозное самопожертвование во имя великой цели, а для Ремизова это безусловное зло, часть глобального дьявольского замысла, существующего в мире. Мысль о ментальной близости Каляева и Ремизова, при всем различии их судеб, присутствовала в сознании современников. М.М. Пришвин, в начале своей писательской карьеры близкий к Ремизову, в 1945 году так оценивал ситуацию 1900-х годов:

Это было в то время, когда уже прискучил декадентский звон прославления в лице своем сверхчеловека, и стало зарождаться движение, теперь можно назвать его своим именем: движение патриотическое. Историки литературы может быть сказали что-нибудь об этом движении или собираются сказать, я же могу говорить о нем лишь по себе и тем немногим друзьям, которые были со мной. <...> Маяковский, Каляев, Ремизов, Толстой [Алексей Николаевич. – *Прим. авторов*], Замятин, Шишков, Пришвин, Хлебников. Ремизов, Каляев – религиозный эстетизм. Между ними Пришвин⁵⁶.

В этом признании умудренного опытом писателя важно то, что Ремизов, Каляев, да и сам Пришвин, вписываются в некую общую русскую линию развития отечественной мысли и отечественной литературы.

Заключение

Как мы видим, существующая разница в формировании образа Каляева была определена различием ситуации. Для эсеров Иван Платонович был фигурой, рассказ о которой удобен для оправдания революционного терроризма. Сводя его биографию к судьбе революционера-«мученика», они получали санкцию общества на продолжение деятельности Боевой организации. Ремизов же, гово-

⁵³ Сурмачев О.Г. К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» // Адвокат Сурмачев Олег Григорьевич. – URL: surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza/ (дата обращения 7.02.2019)

⁵⁴ Ремизов А.М. Крепость // Ремизов А.М. Собрание сочинений. – Т. 3. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 38.

⁵⁵ Памяти Ивана Платоновича Каляева. – Петроград: [б. и.], 1918. – С. 29.

⁵⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. – Москва: Новый хронограф, 2013. – С. 452.

ря о Каляеве, еще не знал его будущей судьбы. Для писателя помещение фигуры Каляева в свой рассказ может быть интерпретировано как ностальгическое послание к другу, с которым ему повезло познакомиться. Так различие в задачах описания предопределило тон, манеру, стилистику и функцию текстов.

Послание эсеров было привычной реакцией на свершившийся террористический акт, литературным подстрочником к первичной реальности. В нем сохранилась традиция описания революционера, покрытая мифологизацией. Текст Ремизова же отличен тем, что автор не брал в расчет четко установившегося и угадываемого канона описания. Скорее, наоборот. В поисках своего литературного стиля он включает альтер-эго Каляева в ткань своего текста, не боясь нарушить никакую традицию. В отличие от Алексея Михайловича, для эсеров механизм создания образа был известен и – в иных случаях, возможно, лишь подспудно – проявляем. Традиции формирования образа, отличные в своих целях, задачах и механизмах, по-разному читались и воспринимались читателями начала XX в.

Introduction

A revolutionary terrorist of the beginning of the 20th century was a highly mysterious figure, hardly understandable by his contemporaries. It might seem that leading a conspiratorial lifestyle and hiding with a fake passport under an alias, he encoded his biography not only for the representatives of the imperial police network of agents, but also for each of his contemporaries. A terrorist became known only then when, with a bomb in his hand, he became the master of the country's history and the fate of its individual citizens. Then the Russian society got a chance to get to know some facts of the biography of an unusual criminal. Being placed in journalistic and literary texts, the image of a revolutionary terrorist was becoming recognizable. The canons of description were a means to form the myth that reached the peak of its power when it was the matter of “radical leftist intelligentsia, whose representatives were personified by the everyday consciousness in the images of selfless heroes with a bomb.”¹ It is clear that the list of objectives set to form such an image went far be-

¹ M.B. Mogil'ner, *The Mythology of the 'Underground Man': A Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999), 5.

yond descriptive ones. The study of various traditions of describing a revolutionary terrorist makes it possible to visually present the mechanisms of creating political images, their goals and objectives.

Present-day historiography is engaged in active study of those political images that made a particularly strong impression on contemporaries, influenced social consciousness and political struggle. Thus, B. Kolonitskii showed the images of the imperial family on the eve of the collapse of the Russian empire,² A. Egorov analyzed the formation of the image of a liberal,³ and a large number of works are devoted to the study of the image of the enemy.⁴ In this context the image of a revolutionary terrorist is of considerable interest.

The chronicle of the Russian radical movement has preserved the names of hundreds of bright personalities and notorious events. One of the most popular and high-profile acts of terrorism of the beginning of the 20th century was the assassination of the Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov by the Social Revolutionary terrorist Ivan Platonovich Kalyaev. The uniqueness of the research situation lies in the large number of published testimonies about Kalyaev made by his fellow party members and in the existence of literary testimony from his friend A. Remizov, a writer who had portrayed the image of the Social Revolutionary terrorist a few years before the terrorist attack.

Both Russian⁵ and foreign⁶ historiography have done a lot for the study of various aspects of revolutionary terrorism in Russia. As of today, the key work where radical mythology is an object of strict scientific reflection is the monograph by M. Mogil'ner who points to literary mythmaking as the most adequate form of self-

² B.I. Kolonitskii, *'Tragic erotica': Images of the Imperial Family during the First World War* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010).

³ A.N. Egorov, "The image of a Liberal in the Conservative Journalism of the Russian Empire of the Early 20th Century" [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 5 (2012): 17–20; A.N. Egorov, "Canvassing as a Tool to Discredit a Political Opponent (Based on the Materials of Elections to the State Duma of the Russian Empire)" [in Russian], *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3 (30) (2015): 170–78.

⁴ L. Gudkov, comp. *The Image of the Enemy* [in Russian], ed. N. Konradova (Moscow: OGI, 2005).

⁵ O.V. Budnitskii, *Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2000); R.A. Gorodnitskii, *The Combat Organization of the Socialist Revolutionary Party in 1901–1911* [in Russian], (Moscow: ROSSPEN, 1998).

⁶ A. Ulam, *In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia* (New York: Viking Press, 1977); A. Geifman, *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993); M. Hildermeier, *Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)* (Cologne; Vienna: Böhlau, 1978); F. Gross, *Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia* (The Hague: Mouton, 1972).

comprehension of the intelligentsia.⁷ Studying the interpretation of religious concepts and their application by the Narodniks, V. Fastovskii points out the significance of religious semantics in shaping the image of a revolutionary who is mounting the scaffold.⁸ Yu. Safronova reveals the performative and communicative aspects of terrorism.⁹

Main Body

On February 4, 1905, in the square in front of the Kremlin Senate in Moscow, Ivan Kalyaev, a member of the SR Combat Organization, threw a bomb into the carriage of Grand Duke Sergei Alexandrovich, the former governor-general of Moscow, uncle of Nicholas II of Russia. Shortly before his death, Sergey Aleksandrovich resigned from the post of governor-general, which he had held since 1891, but that could not prevent the intended act of terrorism anyway. The Grand Duke died on the spot, a few days later his coachman also died from wounds. On April 5, 1905, Special Tribunal of the Ruling Senate sentenced Kalyaev to death by hanging; the sentence was executed on May 10 in the Shlisselburg Fortress. Those events, together with the well-known visit of the Grand Duke's widow Elizaveta Feodorovna to the convicted terrorist, made Kalyaev a cult figure of the era.

Kalyaev's comrade in Combat Organization, Egor Sozonov, considered that his friend made some general impression of the inner glow and resembled the young Sergius of Radonezh in the painting by M. Nesterov. Moreover, Sozonov recalled that Kalyaev demonstrated religious fanaticism in every way. The same memoirist wrote that before the assassination attempt on Grand Duke, Kalyaev was saying his prayers holding a bomb in one hand, and making the sign of the cross with the other.¹⁰

The objectives of revolutionary terrorism were not limited to the assassinations of the representatives of power structures. By means of a terrorist act, revolutionaries sent a "message" to the society.¹¹ Each successful attempt was to be commented on by its masterminds. The illegal press distributed leaflets, pamphlets and articles that explained the importance of an assassination and gave their own interpretation of such an event, praising a terrorist and dehumanizing his victim. The perception of

⁷ Mogil'ner, *The Mythology of the 'Underground Man'*.

⁸ V.M. Fastovskii, "This is my religion! Religiously-Connotated Lexis in the Ego-Documents of the Narodnik Movement of the Late 1870s – Early 1880s" [in Russian], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (2018), accessed February 28, 2019, <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html>.

⁹ Yu.A. Safronova, *Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror. 1879–1881* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014).

¹⁰ Quoted in E.I. Goncharova, comp. *'Revolutionary Christianity': Letters of the Merezhkovskys to Boris Savinkov* [in Russian] (St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2009), 20.

¹¹ For more, see Safronova, *Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror*.

revolutionary violence as an opportunity to combat imperial violence took deep root in the ideological tradition of the revolutionaries, starting with their understanding of the French Revolution.¹²

The event of February 4, 1905, was accompanied by a large number of leaflets denouncing the personality of the assassinated Grand Duke.¹³ In the messages of the Socialist Revolutionaries, Sergey Alexandrovich was presented as a “national executioner,” an “all-powerful representative of lawlessness,” “a friend of despotism,” and “‘Grand Duke Khodynsky,’ who, in short intervals between corruption and torture . . . went to worship icons.”¹⁴ Revolutionary violence demanded its justification, seeking it in the narrative about excessive violence of the authorities against their people.¹⁵ This rhetoric continued on the pages of the Social Revolutionary newspaper *Revolutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia] for several more weeks,¹⁶ until an explanatory model of the attempt began to line up around the second participant of the event – the Social Revolutionary terrorist Ivan Kalyaev.

The descriptions of the terrorist’s biography used emotional, in some places even aphoristic, language, which was full of references to religious texts.¹⁷ For the people of the era of realism, literature was identical with social reality and claimed to be able to change it.¹⁸ Putting the assassin in the socialist martyrology and getting the sanctions on revolutionary terrorism from the society, such text about the revolutionary terrorist helped to actualize the myth-making process.¹⁹

In April 1905, an article, titled “Ivan Platonovich Kalyaev,” appeared in the pages of the press organ of the Socialist Revolutionary Party. It was signed by *Byvshyi sotsial-demokrat* [a former social democrat] and under that pseudonym one could recognise Boris Savinkov, who had known Kalyaev well since his gymnasium years. Choosing the genre of newspaper article, Savinkov did not have the possibility of a detailed description, and therefore he had to highlight the key fragments in order to give a better “understanding” to the hero of his memories. Like a hagiographer, the author considered the biography of the hero in retrospect. The whole story about his

¹² A. Hilbrenner, “Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia,” in *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism*, ed. P. Terhoeven (Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018), 20.

¹³ R.S. Zakirov, “The Reaction of the Russian Society to the Assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich (1905)” [In Russian], *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova*, no. 1 (2012): 20.

¹⁴ The leaflet of the Petersburg Committee of the Socialist Revolutionary Party (February 1905). Gosudarstvennyi arkhiv rossiiskoi federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. 1741, op. 1, d. 16864.

¹⁵ Hilbrenner, “Of Heroes and Villains,” 33.

¹⁶ See *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 59, February 10, 1905; no. 60, March 5, 1905.

¹⁷ Fastovskii, “This is my religion!”

¹⁸ I. Paperno, *Semiotics of Behaviour: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996), 8.

¹⁹ For more, see Mogil'ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*.

childhood led the author to the conclusion that Kalyaev “could not but become a revolutionary.” His parents contributed to that: Ivan owed “the firmness of character, keen sense of duty, and almost unlimited powers of endurance” to his father, and “impressionability, delicate beauty of his artistic perceptions and so typical for him all-forgiving, pure and tender love for the people” to his mother. And even the city of his childhood played its role: Warsaw was “a city filled with innumerable streams of tears, stained with the immense ocean of people’s blood.”²⁰ That was followed by the stories about his studies, fascination with Marxism and the first clashes with the police. Now Ivan Kalyaev was becoming the personalized hero of the assassination story. Boris Savinkov endowed him with qualities, the presence of which the readers of the beginning of the 20th century could only assume.

In addition to that, using two more key stories – one about the event on February 2, and the other about the meeting of the Grand Duchess Elizaveta Feodorovna and Kalyaev – Savinkov verbalised the rigorism of his hero’s ethics. The assassination planned for February 2 did not happen: it turned out that the Grand Duke was traveling not alone but in the company of his wife and the children (his nephews). Kalyaev showed “spiritual tenderness and inborn nobility” by refusing to throw a bomb at the carriage where together with his would-be victim there were “innocent people” and rescheduled the attempt for another day when the Grand Duke was leaving alone. Then, during his meeting with the Grand Duchess, Kalyaev categorically refused the offer of Elizabeth Feodorovna to spare his life: “And he was not the one to accept favours from the unclean hands of the tsar, dukes and all those who serve them.”²¹

In both cases, the author of the biography implied the ethos of the revolutionary and his deliberate martyrdom, built by analogy with the Christian martyrdom.²² Reducing the biography of Kalyaev to the fate of the revolutionary who could not help but become one, his party fellows repeated the techniques of describing other “Heroes of Underground Russia” and represented the image of a martyr. Death on the scaffold was a natural and the only possible finale of such a biography. The anonymous poem “Death of Kalyaev” repeats one of the central themes of mythologizing the terrorist:

Death crowned him with a laurel wreath; Death – an enviable death while he was still fighting for the cause – completed a worthy victory.

Not for a moment did he want to save his life; not a moment – and his every word breathed with a proud challenge to the judges.²³

²⁰ Quoted in Byvshyi sotsialdemokrat [B.V. Savinkov], “Ivan Platonovich Kalyaev” [in Russian], in *Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from ‘Revolutsionnaya Rossiya’)* (N.p.: Tipografiya Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov, 1905), 2.

²¹ Byvshyi sotsialdemokrat, “Ivan Platonovich Kalyaev”, 4.

²² Fastovskii, “This is my religion!”

²³ *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 67, May 15, 1905.

The reports that “Kalyaev remained calm until the last minute” were a perfect example of how the terrorist “martyr” had accepted his death.²⁴ The revolutionary went to the scaffold “fearlessly” and “calmly.”

Another effective means of telling the public about Kalyaev was the distribution of his last letters, poems and memoirs in print. Each text was not only a means of self-presentation, but also a death letter, from which documentary accuracy was expected.

In a personal letter to his comrades, which became publicly available, the revolutionary described his life as complete, filled with meaning, and justified with his belief in progress and socialism. He did not regret anything:

The Revolution gave me happiness, which is greater than life, and you understand that my death is just my very small gratitude to it. I consider my death the last protest against the world of blood and tears and I can only regret that I have only one life that I throw out as a challenge to the autocracy.²⁵

In the same way as those letters were not just letters, the poems by Kalyaev (or the Poet, as his party fellows called him) were not just poetry. Behind them there was the well-known canon of describing the “dying hour.”²⁶ That was the last greeting to the people from the one who suffered for their happiness:

What can we give to the people
In addition to smart, boring books,
To help them find their freedom?
– Only the flash of our lives...²⁷

The speeches of the defendant and his lawyers published by the Socialist Revolutionaries reproduced radical mythology in full.²⁸ “May his fate be fulfilled – may Kalyaev’s will be accomplished. He bared his chest himself, exposing it to your blows. His testimony breathed a bold challenge thrown into the face of death,” said Mandel’stam, Kalyaev’s lawyer, to conclude his speech.²⁹

Collective heroics and religious semantics in the current myth-making process shaded the moral contradictions of terrorism. The questions of the possibility of killing, which were raised in Savinkov’s “Pale Horse” (published under the pseudonym

²⁴ *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 68, June 1, 1905.

²⁵ *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 68, June 1, 1905.

²⁶ Mogil’ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*, 47

²⁷ Poems of I.P. Kalyaev [in Russian], in *Ivan Platonovich Kalyaev*, 34.

²⁸ Marina Mogil’ner points out that publication of such speeches was especially popular in 1905 – 1906. See Mogil’ner, *The Mythology of the ‘Underground Man’*, 54.

²⁹ Mandel’stam’s speech for the defense of I.P. Kalyaev, in *Ivan Platonovich Kalyaev*, 28.

V. Ropshin) and put in the mouth of the Kalyaev's literary prototype, remained unanswered:

There is sadness in his clear eyes. I say:

“Vanya, and what about ‘Thou shalt not kill?’...”

“No, Zhorzhik, – Thou shalt kill.”

“Is this you who says that?”

“Yes, I say that. Kill so that they would not kill. Kill so that people would live according to God's will, so that love would bless the world.”

“This is blasphemy, Vanya.”

“I know. And ‘Thou shalt not kill’? Is it not blasphemy?”³⁰

As the leader of the Socialist Revolutionaries V. Chernov wrote in his memoirs, “the moral and political essence of this literary work was perceived by some people as slinging mud at the terrorists and the party, while the others saw it as claims to superhumanity and preaching amoralism.”³¹

The formation of the image of Kalyaev was a literary and documentary commentary of the terrorist act by the Socialist Revolutionaries. The task of Kalyaev's fellow party members was to justify radicalism by embodying the collective qualities of the “People of the Underground” in their hero. The genre of biography partly coincided with hagiography to occasionally highlight religious allusions. By means of selected and especially cited and repeated plots, the Socialist Revolutionaries presented martyrdom. In order to tell the Russian society about Kalyaev, the Socialist Revolutionaries, whether willingly or not, implemented the concept of one of the cult theoreticians of populism, P. Lavrov, who believed:

Martyrs were needed, whose legend would outgrow their true worthiness, their true merit.³²

Unlike the Socialist Revolutionaries, a beginner writer Alexey Remizov did not need to write anything about the hero of the moment as he already had a story about Kalyaev. In the years 1900–1903, the future terrorist was serving administrative exile in Yaroslavl and regularly visited his childhood friend B. Savinkov in Vologda. There he met Remizov, N. Berdyaev, P. Shchegolev, V. Zhdanov and, as Berdyaev put it, other “exile aristocrats.” He became especially close with Remizov – they both wrote poems and dreamed of becoming real writers. Their joint translation of the poem in prose “Tęsknota” by a Polish modernist writer Stanisław Przybyszewski,

³⁰ V. Ropshin [B.V. Savinkov], *Pale Horse* [in Russian], accessed February 27, 2019, <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt>.

³¹ V.M. Chernov, *Before the Storm. Memoirs* [in Russian], (New York: Izdatelstvo imeni Chekhova, 1953), 293.

³² P.L. Lavrov, “Historical Letters” [in Russian], in P.L. Lavrov. *Philosophy and Sociology. Selected Works in 2 Volumes*, vol. 2 (Moscow: Mysl', 1965), 252.

popular with the exiles in Vologda, was preserved and published.³³ It was in Vologda after the meetings with E. Breshko-Breshkovskaya that Kalyaev and Savinkov made the fateful decision “to go into terror.” Remizov got strongly involved in those conspiratorial activities, because the third member of the Vologda colony, who responded to the call of the “Grandmother of the Russian Revolution,” was Remizov’s fiancé Serafima Dovgello. But soon, probably influenced by her fiancé, Serafima changed her mind and the comrades in exile blamed Remizov for that and declared a boycott against him.³⁴

At the end of his exile, by the beginning of the spring of 1903, A. Remizov wrote the story “Ivan Kupal” for the modernist almanac *Grif*. The story was published in the second issue of *Grif* in February 1904 together with two other stories by Remizov: “Molitva” [The Prayer] and “Poslednii chas” [The Last Hour]. The latter two stories are the reflection on the tragedy of being, which were quite typical for the decadence of the early 20th century, but “Ivan Kupal” stands against that homogeneous background. As Z. Mints pointed out, it shows “the originality of Remizov as an artist who connected everyday life and his interest in folklore and ritual with exquisite knowledge of folk language.”³⁵ But the subtext of this folklore everyday-life story contains a different meaning and a different plot.

The story begins with an idyllic scene: in the middle of the summer, a group of children were playing in the garden near the narrator’s house, reminding him of a “huge coloured broom.”³⁶ But not everyone was happy in that Eden. The narrator saw that the children were cruel to one of the girls, Paran'ka, teased and offended her. The offended girl reached for the narrator, who comforted her and promised to carry her soon in his arms to the places where “there was not a single person.” At that time a friend of the narrator, Ivan Platonovich, came to visit. He was quite a strange character with a drunk, wounded face and lacklustre eyes full of suffering. The guest showed the narrator some rather strange objects he had found the previous night in the river: a phial with sand that he believed to be gold-bearing and an old bone that had turned green. Following the children, the adults went to the river and saw the children perform the ancient Kupala ritual of throwing wreaths of wildflowers into the water to tell fortunes for happiness. In the evening the friends were walking along the bank and came to the pool. “Right here,” whispered Ivan Platonovich. He pulled a

³³ *Letters from A.M. Remizov and V. Ja. Brjusov to Aage Madelung* [in Russian], ed. P.A. Jensen and P.U. Möller (Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976), 79–80.

³⁴ “In the Sunset Glow.” Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello [in Russian], *Europa Orientalis*, no. 9 (1990): 156.

³⁵ Z.G. Mints, Introductory article to “Blok, A. Correspondence with A.M. Remizov. (1905–1920)” [In Russian], in *Alexander Blok: New Materials and Studies*, vol. 2 (Moscow: Nauka, 1981), 63.

³⁶ A. Remizov, “Ivan-Kupal” [in Russian], in *Al'manakh'Grif*, iss. 2 (Moscow: Grif, 1904), 43.

wreath from within his coat and pointed to the dark, quivering water of the pool. – For you. And the wreath spun, jumped, then disappeared in the deep and re-emerged, came to the surface again and sank.”³⁷

Divination on the wreaths means that the person whose wreath sinks will die within a year; that one whose wreath drifts the farthest of all will be the happiest; if the wreath remains still, it means that one should not expect any big changes in life. In folk tradition, those who tell their fortunes are mostly girls. In Remizov’s story, the mantic mechanism was activated at sacral time and quite an accurate answer was received: the wreath drowned, which means a forthcoming death of the person who thrown the wreath into the water.

Of course, this story can be considered as a realistic description of individual episodes of Remizov’s life in Vologda exile. During his exile, the writer associated a lot and willingly with children, which was reflected in his works of that period. The strange visitor can be interpreted as one of those eccentrics, many of whom, judging by the observations of the contemporaries, one could meet among the Vologda exiles. Nevertheless, a number of circumstances do not allow us to classify this story as an ordinary sketch of everyday life with slight stylistic touches of folklore and modernism, introducing fashionable at the time motifs of depression, hopelessness and primeval cruelty of the world. Let us try to reconstruct the subtext of the work.

The key figure is the mysterious friend of the narrator, who can be identified as Kalyaev, which can be deduced from a number of coincidences.

1) In the first edition of the story the character had the same name as Kalyaev and was called Ivan Platonovich.

2) Kalyaev was born on June 24, 1877 on the day of Ivan Kupala, which implies that the story was titled not only by the name of the mythological character of the Eastern Slavs, but also by the name of the eponymous character. It is also worth noting that Remizov was born on the same day and the same year as Kalyaev, which, of course, strengthened their mystical connection, as both of them understood it.

3) The hint of drunkenness of the main character has the real basis, since the Vologda exiles founded a game “secret society,” “The Union of Free Alcoholics,” and the theme of drinking was often played upon by them in a humorous way in conversations and correspondence.

4) In symbolic terms, the search for gold by the main character of the story on the magical night of Ivan Kupala can be interpreted as search for truth in its mystical ways. During the period of close association between Remizov and Kalyaev, the latter experienced serious ideological crisis, which resulted in his decision “to go into terror.” The memoirs of B. Savinkov say that Kalyaev came to terror “following his own, special, original way.” Savinkov showed this “originality” in his short novel

³⁷ Remizov, “Ivan-Kupal,” 46.

“Pale Horse.” The protagonist Vanya (Kalyaev was his prototype) was thinking about terror the following way:

You know, I often read the Gospel in my yard, and it seems to me that there are only two, just two ways. One is when everything is allowed. You see, everything. And then – Smerdyakov. Of course, only if you dare, if you resolve to do anything. After all, if there is no God and Christ is a man, there is no love, and it means there is nothing... And another way is the Christ’s path to Christ himself... Listen, if you love a lot, truly love, then can you kill or can you not? ... No, to kill is a vile sin. But recall: greater love hath no man than this, that a man lay down his soul for his friends. Not life, but soul. Understand, you need to accept the cross, you need to resolve to do anything out of love and for love. But by all means out of love and for love.³⁸

5) Abundance of flowers in the story “Ivan Kupal” makes us recall that flowers were an important attribute in the relationship between Kalyaev and Remizov. In his memoirs, the writer reflected the “flower” episodes associated with Kalyaev. Thus, in September 1902, two writers made their debut in the Moscow newspaper *Kur'er* [Courier]: N. Moldavanov with “Plach devushki pered zamuzhestvom” (“Epithalamia”) [A Bride’s Lamentation (Epithalamium)] and V. Kanin with his story “Noch' ” [The Night]. Remizov and Savinkov were behind those pseudonyms. Remizov recalled: “The evening was devoted to the story of Savinkov . . . I went home to Zhelvuntsovskaya Street very late. Kalyaev stayed overnight at Savinkov’s place. The following evening I hear someone knocking . . . “Ivan Platonovich.” I see white asters in his hands: he is in a hurry to the station. And the flowers are for me: he brought them yesterday from Yaroslavl, but yesterday “did not have an hour” . . . “Epithalamium!” Kalyaev said and handed the flowers to me.”³⁹ During the boycott of Remizov, the general meeting of the exiles banned any contact with the outcast. But Kalyaev broke the ban and visited the “cell” on Zhelvuntsovskaya street. In the guest’s hands there were flowers again. “I always remember how Kalyaev brought me flowers, and that was when because of my contradicting “tea” I found myself cramped and completely alone.”⁴⁰ Finally, dry flowers from the grave of his friend were in the Petersburg apartment of the writer.

6) The motifs of slight madness and mental inadequacy of the character’s behaviour also have real basis. Political exiles in Vologda sometimes simulated mental disorders in order to avoid being sent to the remote towns of Vologda Governorate. The doctor of the zemstvo psychiatric hospital, the exiled social-democrat A. Bogdanov-Malinovsky issued the corresponding certificates to his friends in misfortune, includ-

³⁸ V. Ropshin, [B.V. Savinkov] Pale horse [in Russian] (St Petersburg: Shipovnik, 1909), 139.

³⁹ A.M. Remizov, “Courier” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 8 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000): 455.

⁴⁰ A.M. Remizov, “Honeymoon” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 5 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000): 70.

ing Remizov.⁴¹ Moreover, the public opinion of the “Underground Russia” of the beginning of the 20th century valued art only as a means of political propaganda. The revolutionaries did not understand Art Nouveau and thought that the decadents were insane. As civic poetry was not the only poetry Kalyaev wrote, he fell under suspicion of being insane. Before taking the path of terror, Kalyaev brought his comrades a certificate from the doctor about his mental health.⁴² That can lead us to the conclusions that Kalyaev was a hypothetical prototype for the guest of the narrator in the story “Ivan Kupal.”⁴³

Apparently, it is the last meeting with his friend that A. Remizov mentioned in his official letter to P. Shchegolev, an employee at the museum of the Revolution, in June 1921. Before going abroad, the writer presented the museum with the icon of the Resurrection of Christ that used to belong to Kalyaev and replied to the museum’s request to write a memoir about the revolutionary terrorist the following: “My reminiscences about I.P. Kalyaev / and about *Easter flowers* [italics added] / and about the poems / the memory of Vologda / I shall write as soon as I become human...”⁴⁴ That meeting was rather about the fateful decision of Kalyaev than about poetry. However, poetry also played an important role. Remizov tried to make Kalyaev change his mind and to set him up for a “peaceful” literary work, assuring him that he was a “real” poet.

Apparently, it was A. Remizov who got V. Bryusov involved in “persuading” Kalyaev. Remizov sent Bryusov the poems written by the revolutionary and informed him about Kalyaev’s plans in most general terms. This can account for the odd letter of August 1903 that Bryusov wrote to Kalyaev who was not among his acquaintances:

Dear Ivan Platonovich! Your poems are good in form and can be printed. As for the contents, they are a bit like Nekrasov’s poems and (even less) like those of Men’shin [Publisher’s mistake; it should be *Mel’shin*; it is a reference to P.F. Yakubovich, a revolutionary poet and member of Narodnaya Volya, as one of his pseudonyms was L. Mel’shin (*Authors*)]. Never mind that: every poet looks like someone else at first. . . . Take care of yourself: you are a talent. And to my mind, the poetic gift is more needed in literature than in revolution... Just try to save yourself! Sincerely yours, Valery Bryusov.⁴⁵

⁴¹ Remizov, “Madman” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 5 (Moscow: Russkaya Knika, 2000): 451.

⁴² Mogil’ner, *The mythology of the ‘Underground man’*, 79.

⁴³ See Yu.V. Rozanov, “Terrorist Kalyaev in A. Remizov’s Story ‘Ivan Kupal.’ The Real Basis of the Symbolic Text” [in Russian], *Voprosy literatury*, no. 1 (2006): 124–34.

⁴⁴ E.R. Obatnina, *Tsar Asyka and his Subjects. Great and Free Monkey Chamber by A.M. Remizov in Persons and Documents* [in Russian], (St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001), 281.

⁴⁵ “How is It in Vologda?”: An Unknown Letter of V.Ya. Bryusov to I.P. Kalyaev, publ. V. Perepechenko, *Krasnyi Sever*, December 25, 1988.

Kalyaev did not receive that letter, and it was unlikely to change anything. According to B. Savinkov, Kalyaev was “mentally incapable” of any “peaceful work.”

Shortly after that “Easter” meeting (Easter in 1903 fell on April 6) Kalyaev disappeared from Remizov’s sight: he spent a month in prison in Yaroslavl, after his release he went into the revolutionary underground, and in June, together with Savinkov, secretly left the Russian Empire to form the Combat Organization of the Socialist Revolutionaries, which, of course, Remizov did not know.

Remizov’s letters to his Vologda acquaintances show his concern about Kalyaev’s life. On August 7, Remizov, who had already been freed from exile, wrote to their common friend Aage Madelung: “Sticky leaves of spring promises, and asters, dahlias and insanity of the reckless calls of the northern autumn [the “decadent” rethinking of the appeals of Breshko-Breshkovskaya]. Where is our Iv[an] Plat[onovich]? I wrote to him to the editorial office of the *Sev[ernyi] Krai*, but there is no reply. He is beautiful and struggling, will he cope, will he get out?”⁴⁶ In the letter to P.E. Shchegolev on January 27, 1904, Remizov tried to hide his concern behind a joke: “P[avel] E[liseevich], do you happen to know the address of Ivan Platonovich? Can you possibly find it for me? He borrowed several books, I want to get them back, and he slipped out like an eel.”⁴⁷

This disturbing background makes it possible to consider the story “Ivan Kupal” with the open name of the prototype as a kind of message to the inaccessible friend, whom no other letters reach. In this message, there is a reminder of Vologda, which was connected with so many good and bad things; and a reference to the Kupala rituals, which were significant for both of them; and the continuation of the key dispute (the character of the story was looking for gold but not where he was supposed to); and a premonition of the tragic dénouement, which the bone found instead of gold and the wreath that sunk in the river symbolize in somewhat naive and straightforward way.⁴⁸

Among the counsels for the defence of Ivan Kalyaev was V. Zhdanov, a sworn attorney, who was a former political exile and participated in many significant events that took place in the Vologda colony. It was he who told Remizov that his message encoded in “Ivan Kupal” was received by the addressee. Remizov wrote about this to his wife in the letter of April 24–25, 1905:

He [Zhdanov (*Authors*)] arrived in St Petersburg for a meeting with Iv[an] P[latonovich]. He has just been to the fortress and saw him. According to Zhdanov, Iv[an] P[latonovich]

⁴⁶ *Letters from A.M. Remizov and V. Ja. Brjusov to Aage Madelung*, 13.

⁴⁷ Letters from A.M. Remizov to P.E. Shchegolev. Part 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiev. (1903–1904)], publ. A. M. Gracheva, in *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002), 188.

⁴⁸ See Yu.V. Rozanov, *Folklorism of A.M. Remizov: Origins, Genesis, Poetics* [in Russian] (Doctoral diss., Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 2009).

is in a wave of joy because he accomplished what he had conceived and is awaiting death. They remembered Vologda, remembered me, *he read my story “Ivan Kupal” in “Grif” about the gold miner without gold and about the intimidated girl* [italics added]. On one of these days he is to be hanged. And he sleeps at night. And you know it yourself, only those sleep at night whose wish is fulfilled: a person stops sleeping when there is no answer or when he is powerless to change something. Maybe, now he is the happiest man.⁴⁹

In March 1906, Remizov, his wife and friends visited Shlisselburg, where the locals were enthusiastic to show the visitors the places where the executed were buried. Remizov wrote to Andrei Bely:

Yesterday we were at Schlüsselburg (sic!) Fortress. We saw everything. T[atyana] N[ikolaevna] made a lot of sketches. All those cells will remain in my heart for my lifetime. We went to Kalyaev’s grave – I took dry flowers and grass for myself. The grave with no knoll is opposite the Royal Tower on the ledge. I close my eyes and I see those rooms and the courtyard where they were hanged, and the death ward where they spent the last night until dawn.”⁵⁰

Monument at the burial place of I.P. Kalyaev and other prisoners of the Shlisselburg Fortress

Source: photo by A.N. Egorov

⁴⁹ “In the Sunset Glow.” Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello, 456.

⁵⁰ Andrey Bely and A.M. Remizov, Correspondence [in Russian], publ. A.V. Lavrov, in *Alexander Blok: Research and Materials*, ed. N. Yu. Gryakalova (St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2011), 467.

Many of those who knew the details of the case had mystical visions. For example, Bely recalled that Boris Savinkov had complained to the Remizovs, whom he visited in secret, that “Kalyaev’s shadow appeared to him.”⁵¹ The drawings by T. Gippius, which Remizov mentioned, including the sketch of Kalyaev’s grave, are kept in the United States in the Amherst Center for Russian Culture in Amherst (Massachusetts). Four drawings were reproduced in the article by M. Pavlova.⁵²

Under the impression of the trip to Schlisselburg, Remizov wrote one of his most horrible stories, “Krepost” [The Fortress], highly valued by the symbolists of those years who often compared the earthly world with prison.⁵³ In this story one can find echoes of the old argument between Remizov and Kalyaev. During the tour of the fortress, the narrator faces the ghost of a stranger, a vigilante, who “invents the cruellest executions and executes those who ordered and commanded to torture.” But then, as the narrator reasonably believes, there will be no end to executions.”⁵⁴ The concept of “evil infinity” (an act of terrorism – the execution of a revolutionary – the revenge by the friends of the executed, i.e. a new act of terrorism), was widely used in the context of moral and legal defence of Kalyaev. For example, Zhdanov, the lawyer, asked the court to show generosity and to break that tragic chain.⁵⁵ Kalyaev considered terror as religious self-sacrifice in the name of the greater good, and for Remizov terror was absolute evil, a part of the infernal plot that existed in the world. The thought of the mental closeness between Kalyaev and Remizov, no matter how different their fates were, was present in the minds of their contemporaries. In 1945, M. Prishvin, who was close to Remizov at the beginning of his literary career, described the situation in the 1900s in the following way:

It was at the time when the decadents’ chant glorifying superhuman in themselves had become tiresome, and the new movement began to emerge, which can be called now by its name – the patriotic movement. Literary historians may have said or are going to say something about this movement, but I can only speak about it for myself and for those few friends who were with me. . . . Mayakovskii, Kalyaev, Remizov, Tolstoi [Alexey Nikolayevich (*Authors*)], Zamyatin, Shishkov, Prishvin, Khlebnikov. Remizov and Kalyaev – religious aestheticism. Between them was Prishvin.⁵⁶

⁵¹ A. Bely, *Between Two Revolutions* [in Russian] (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990), 65.

⁵² M.M. Pavlova, “On the History of the Neo-Christian Commune of the Merezhkovskys” [in Russian], *Russkaya literatura*, no. 3 (2017): 223–24.

⁵³ O.G. Surmachev, “On the Issue of the First Publication of the Story ‘The Fortress’ by A. Remizov” [in Russian], Advokat Surmachev Oleg Grigor'evich, accessed February 27, 2019, <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza>.

⁵⁴ A.M. Remizov, “The Fortress” [in Russian], in A.M. Remizov, *Collected Works*, vol. 3 (Moscow: Russkaya Kniga, 2000), 38.

⁵⁵ *In Memory of Ivan Platonovich Kalyaev* [in Russian] (Petrograd: [n.p.], 1918), 29.

⁵⁶ M.M. Prishvin, *Diaries. 1944 – 1945* [in Russian] (Moscow: Novyi Khronograf, 2013), 452.

What is important in that confession of the worldly-wise writer is that Remizov, Kalyaev, and even Prishvin fit into a certain common line of the development of Russian thought and Russian literature.

Conclusion

As we can see, the existing difference in shaping the image of Kalyaev was determined by the difference in the situation. For the Socialist Revolutionaries, Ivan Platonovich Kalyaev was a figure, whose story was convenient for justifying revolutionary terrorism. By reducing his biography to the fate of a revolutionary martyr, they received the sanction of the society to continue the activities of the SR Combat Organization. While speaking about Kalyaev, Remizov, on the other hand, did not yet know his fate. For the writer, placing Kalyaev's figure in his story can be interpreted as a nostalgic message to the friend who he was lucky to meet. Thus, the difference in the objectives of the description predetermined the tone, manner, style and function of the texts.

The message of the Socialist Revolutionaries was a typical response to the accomplished act of terror, a literary word-for-word reference to the reality. It preserved the tradition of describing a revolutionary in myth-making manner. Remizov's text is different in that the author did not take into account the clearly established and recognisable canon of description. Rather the opposite. In search of his literary style, he weaved Kalyaev's alter-ego into the fabric of his text without fear of breaking any tradition. Unlike Remizov, the Socialist Revolutionaries were aware of the technique to create the image, which – although only latently in other cases – manifested itself. The traditions of image formation, which were different in goals, objectives and techniques, were read and perceived by the readers of the early 20th century differently.

Список литературы

Андрей Белый и А.М. Ремизов: Переписка / Вступительная статья, публикация и комментарий А.В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2011. – С. 437–513.

Белый А. Между двух революций / под редакцией Н.Ю. Грякаловой. – Москва: Художественная литература, 1990. – 672 с.

Бывший социалдемократ [Савинков Б. В.] Иван Платонович Каляев // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 1–7.

Егоров А.Н. Образ либерала в консервативной публицистике Российской империи начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 17–20.

Егоров А.Н. Предвыборная агитация как инструмент дискредитации политического противника (по материалам выборов в Государственную думу Российской империи) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 3 (30). – С. 170–178.

Закиров Р.С. Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2012. – №1. – С. 19–25.

«Как у вас в Вологде?»: Неизвестное письмо В.Я. Брюсова к И.П. Каляеву / Публикация В. Перепеченко // Красный Север. – 1988. – 25 декабря. – С. 4.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. – Москва: Мысль, 1965. – С. 6–295.

Миц З.Г. Вступительная статья к А. Блок: Переписка с А.М. Ремизовым. (1905–1920) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Кн. 2. – Москва: Наука, 1981. – С. 63–82.

Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начал XX века как предмет семиотического анализа. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. – 1990. – № 9. – С. 443–498.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – 484 с.

Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских // Русская литература. – 2017. – № 3. – С. 222–242.

Памяти Ивана Платоновича Каляева. – Петроград: [б.и.], 1918. – 48 с.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 207 с.

Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / под редакцией А. Енсена, П.У. Мёллера. – Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. – 80 с.

Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Часть 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев. (1903–1904) / Публикация А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 153–205.

Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. – Москва: Новый Хронограф, 2013. – 944 с.

«Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / составитель Е.И. Гончарова. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2009. – 447 с.

Ремизов А. Иван-Купал // Альманах «Гриф». [Вып. 2]. – Москва: Гриф, 1904. – С. 43–46.

Ремизов А.М. Крепость // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 23–40.

Ремизов А.М. Курьер // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 452–456.

Ремизов А.М. Медовый спас // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 45–77.

Ремизов А.М. Сумасшедший // Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 446–451.

Речь Мандельштама // Иван Платонович Каляев (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 22–28.

Розанов Ю.В. Террорист Каляев в рассказе А. Ремизова «Иван Купал». Реальная основа символического текста // Вопросы литературы. – 2006. – № 1. – С. 124–134.

Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. – 418 с.

Ропшин В. [Савинков Б.В.] Конь бледный. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1909. – 147 с.

Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. – Москва: Новое литературное обозрение. 2014. – 376 с.

Стихотворения И.П. Каляева // Иван Платонович Каляев. (Отдельный оттиск из «Революционной России»). – [Б.м.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905. – С. 33–41.

Сурмачев О.Г. К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» / Адвокат Сурмачев Олег Григорьевич. – URL: <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza/> (дата обращения: 27.02.2019)

Фастовский В.М. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html> (дата обращения: 28.02.2019).

Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 412 с.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. – Москва; Санкт-Петербург: Феникс: Atheneum, 1993. – С. 281–416.

Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer // UGLA Slavic Studies / Edited by G. Slobin. – Columbus: Slavica, 1987. – Vol. 16. – 286 p.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. – Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1993. 376 p.

Gross F. Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. – The Hague: Mouton, 1972. – 139 p.

Hilbrenner A. Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia // Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism / Edited by P. Terhoeven. – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. – P. 19–37.

Hildermeier M. Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. – Coln; Wien, 1978. – 458 p.

Slobin G. Remizov's Fictions 1900 – 1921. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991. – 203 p.

Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. – New York: Viking press, 1977. – 418 p.

References

Andrey Bely and A.M. Remizov. Correspondence. Opening article, publication and commentary by A.V. Lavrov. In *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and materials], ed. N.Yu. Gryakalova, 437–513. St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2011. (In Russian)

Bely, A. *Mezhdv dvukh revolyutsii* [Between two revolutions]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. (In Russian)

Byvshyi sotsialdemokrat [Savinkov, B.V.]. “Ivan Platonovich Kalyaev.” In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz “Revolutsionnoi Rossii”)* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from ‘Revolutsionnaya Rossiya’)], 1–7. N. p.: Tipografiya Partii Sotsialistov-Revolutsionerov, 1905. (In Russian)

Chernov, V.M. *Pered burei. Vospominaniya* [Before the storm. Memories]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova = Chekhov Publishing House, 1953. (In Russian)

Chirikov, E.N. “Na putyakh zhizni i tvorchestva. Otryvki vospominanii” [On the roads of life and work. Fragments of memories]. In *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [Persons: Biographical almanac]. Issue 3, 281–416. Moscow; St Petersburg: Phoenix; Atheneum, 1993. (In Russian)

Egorov, A.N. “Obraz liberala v konservativnoi publitsistike Rossiiskoi imperii nachala XX veka” [The image of a liberal in the conservative journalism of the Russian Empire of the early 20th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 5 (2012): 17–20. (In Russian)

Egorov, A.N. “Predvybornaya agitatsiya kak instrument diskreditatsii politicheskogo protivnika (po materialam vyborov v Gosudarstvennuyu dumu Rossiiskoi imperii)” [Canvassing as a tool to discredit a political opponent (based on the materials of elections to the State Duma of the Russian Empire)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 3(30) (2015): 170–78. (In Russian)

Fastovskii, V.M. “‘Eto moyaya vera!’ Religiozno-konnotirovannaya leksika v ego-dokumentakh narodnichestva kontsa 1870-kh – nachala 1880-kh godov [‘This is my religion!’ Religiously-connotated lexis in the ego-documents of the Narodnik movement of the late 1870s – early 1880s]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (2018). Accessed February 27, 2019. <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/eto-moya-vera-religiozno-konnotirovannaya-leksika-v-ego-dokumen-pr.html>. (In Russian)

Geifman, A. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894 – 1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Goncharova, E.I., comp. *‘Revolyutsionnoye khristovstvo’: Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* [‘Revolutionary Christianity’: Letters of the Merezhkovskys to Boris Savinkov]. St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2009. (In Russian)

Gross, F. *Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia*. The Hague: Mouton, 1972.

Hilbrenner, A. “Of Heroes and Villains – The Making of Terrorist Victims as Historical Perpetrators in Pre-Revolutionary Russia.” In *Victimhood and Acknowledgement: The Other Side of Terrorism*, edited by P. Terhoeven, 19–37. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018.

Hildermeier, M. *Der Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)*. Cologne; Vienna: Böhlau, 1978.

“Kak u vas v Vologde?”: Neizvestnoe pis'mo V.Ya. Bryusova k I.P. Kalyaevu [“How is it in Vologda?”: An unknown letter of V.Ya. Bryusov to I.P. Kalyaev], published by V. Perepechenko. *Krasnyi Sever*, December 25, 1988. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *‘Tragicheskaya erotika’: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [“Tragic erotica”: Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russian)

Lavrov, P.L. “Istoricheskie pis'ma” *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [“Historical Letters”, in Philosophy and Sociology. Selected works in 2 volumes], vol. 2, 6–295. Moscow: Mysl', 1965. (In Russian)

Mints, Z.G. Introductory article to “Blok, A. Correspondence with A.M. Remizov. (1905–1920).” In *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok: New materials and studies], vol. 2, 63–82. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Mogil'ner, M.B. *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyi mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the ‘underground man’: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. (In Russian)

“Na vechernei zare” [In the sunset glow]. Correspondence of A. Remizov with S. Remizova-Dovgello. *Europa Orientalis*, no. 9 (1990): 443–98. (In Russian)

Obatnina, E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye. Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects. Great and Free Monkey Chamber by A.M. Remizov in persons and documents]. St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001. (In Russian)

Pamyati Ivana Platonovicha Kalyaeva [In memory of Ivan Platonovich Kalyaev]. Petrograd: [n.p.], 1918. (In Russian)

Paperno, I. *Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behaviour: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. (In Russian)

Pavlova, M.M. “K istorii neokhristsianskoi kommuny Merezhkovskikh” [On the history of the neo-Christian commune of the Merezhkovskys]. *Russkaya literatura*, no. 3 (2017): 222–42. (In Russian)

Pis'ma A.M. Remizova i V.Ya. Bryusova k O. Madelungu [Letters from A.M. Remizov and V.Ya. Bryusov to Aage Madelung]. Edited and introduced by P. Alberg Yensen and P.U. Möller. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. (In Russian)

Pis'ma A.M. Remizova k P.Ye. Shchegolevu. Chast' 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiyev. (1903–1904) [Letters from A. M. Remizov to P.E. Shchegolev. Part 2. Odessa. Kherson. Odessa. Kiev. (1903–1904)]. Published by A. M. Gracheva. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997], 153–205. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002. (In Russian)

Prishvin, M.M. *Dnevnik. 1944–1945* [Diaries. 1944 – 1945]. Moscow: Novyi Khronograf, 2013. (In Russian)

Rech' Mandel'shtama [Mandelstam's speech for the defense of I.P. Kalyaev]. In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz 'Revolutsionnoi Rossii')* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from 'Revolutsionnaya Rossiya')], 22–28. N.p.: Tipografiya Partii Sotsial.-Revolutsionerov, 1905. (In Russian)

Remizov, A. “Ivan-Kupal” [Ivan-Kupal]. In *Al'manakh “Grif”*. Issue 2, 43–46. Moscow: Grif, 1904. (In Russian)

Remizov, A.M. “Krepost” [The Fortress]. In A.M. Remizov *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 3, 35–40. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Kur'er” [Courier]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 8, 452–56. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Sumasshedshii” [Madman]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 8, 446–51. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Remizov, A.M. “Medovyi mesyats” [Honeymoon]. In A.M. Remizov, *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works in 10 v.], vol. 5, 45–77. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. (In Russian)

Ropshin, V. [Savinkov, B.V.] *Kon' blednyi* [Pale horse]. St Petersburg: Shipovnik, 1909. (In Russian)

Rozanov, Yu.V. “Terrorist Kalyaev v rasskaze A. Remizova ‘Ivan Kupal’”. Real'naya osnova simvolicheskogo teksta” [Terrorist Kalyaev in A. Remizov's story ‘Ivan Kupal’. The real basis of the symbolic text]. *Voprosy literatury*, no. 1 (2006): 124–34. (In Russian)

Rozanov, Yu.V. *Fol'klorizm A.M. Remizova: istochniki, genezis, poetika* [Folklorism of A.M. Remizov: origins, genesis, poetics]. Doctoral diss. Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 2009. (In Russian)

Safronova, Yu.A. *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Slobin, G. *Remizov's Fictions, 1900–1921*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991.

Slobin, G., ed. “Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer.” *UGLA Slavic Studies*, vol. 16. Columbus, OH: Slavica, 1987.

Stikhotvoreniya I.P. Kalyaeva [Poems of I.P. Kalyaev]. In *Ivan Platonovich Kalyaev (Otdel'nyi ottisk iz 'Revolyutsionnoi Rossii')* [Ivan Platonovich Kalyaev (Separate impression from ‘Revolyutsionnaya Rossiya’)], 33–41. N.p.: Tipografiya Partii Sotsial.-Revolyutsionerov, 1905. (In Russian)

Surmachev, O.G. “K voprosu o pervoi publikatsii rasskaza A. Remizova ‘Krepost’” [On the issue of the first publication of the story ‘The Fortress’ by A. Remizov]. Advokat Surmachev Oleg Grigor'evich. Accessed February 27, 2019. <http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaza>. (In Russian)

Ulam, A. *In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia*. New York: Viking Press, 1977.

Zakirov, R.S. “Reaktsiya rossiiskogo obshchestva na ubiistvo velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha (1905 god)” [The reaction of the Russian society to the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich (1905)]. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova*, no. 1 (2012): 19–25. (In Russian)